

В. Н. СТОРОЖЕВ

**Император Александр I
и русский правительственный либерализм
начала XIX века**

<Фрагменты>

<...> Подтверждение завоеванной у Швеции Финляндии ее конституции не примиряло общественного мнения с призрачностью либеральных начинаний Александра. Внутри государства продолжали жить одними надеждами, поток казавшихся либеральными указов не освежил страны, и дым пушечных выстрелов, возвещавших Петербургу Фридрихсгамский мир¹, сумел навсегда затмить попытку конституционной реформы по плану Сперанского... В октябре 1809 г. на столе императора Александра лежал этот план всеобщего государственного образования, в котором автор писал: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы». Сперанский с его проектами политической реформы, лишенной надлежащего социального подспорья, может быть назван правительственным либералом начала XIX века. «Гениальный секретарь» и «великий бюрократ» в течение всей своей политической карьеры превосходно отражал в своих писаниях все этапы, все интимные модуляции, через которые прошел тогда в России процесс правительственного либерализма. Если прочитать начальные строки так называемого пермского письма² Сперанского императору Александру, то нетрудно будет признать их точно выражающими смысл падения Сперанского, осложненного чем-то чересчур личным в отношениях большого барина и слуги. «В самом начале царствования,— пишет Сперанский,— ваше императорское величество постановили себе правилом после толиких колебаний нашего правительства составить, наконец, твердое и на законах основанное положение, сообразное духу времени и степени просвещения, и следовать ему неуклонно. От сего единого начала

постепенно возникали все главные учреждения ваши, учреждения, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголетнее и деятельное царствование, если бы или люди были справедливее, или обстоятельства счастливее. Исполнители, коих ваше величество употребляли в сем деле, каждый попеременно, в свою очередь, были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда ваше величество и сами нередко встречались с так называемым общим мнением, коего привычка и страсти не терпели перемен в настоящем и страшились их еще в будущем. Невзирая на сие, через 12 лет ваше величество постоянно следовали сим путем. Менялись люди, изменялись планы; но главная мысль и намерение оставались неизменными. До 1808 г. я был почти только зрителем и удаленным исполнителем сих преобразований; но мысли мои и сердце всегда следовали за ними. Когда в 1808 г. вашему величеству угодно было поручить мне через графа Кочубея, в начальстве коего я тогда служил, составить план преобразования судебных и правительственных мест в империи, я принял сие поручение с радостью и исполнил его с усердием. В конце 1808 г., после разных частных дел, ваше величество начали занимать меня постояннее предметами высшего управления, теснее знакомить с образом ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к вам вошедшие, и нередко удостоивая провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений вашего величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования. В существе своем он не содержал ничего нового, но идеям, с 1801 г. занимавшим ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. Весь разум сего плана состоял в том, чтобы посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы. В течение с лишком двух месяцев занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и исправлений, ваше величество положили, наконец, приводить его в действие. Блистательнее, может быть, было бы все установления сего плана приуготовить вдруг, открыть единовременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смешения. Но ваше величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшим терпеть на время укориэну некоторого смешения, нежели все вокруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предусмотрение сие ни было основательно, но впоследствии оно сделалось источником ложных страхов и неправильных

понятий. Не зная плана правительства, судили намерения его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемен, устрашились вредных уновлений». Из дальнейшей части письма видно, что император Александр, ссылая Сперанского, лично ставил ему в вину три пункта: 1) что финансовыми делами он старался расстроить государство, 2) привести налогами в ненависть правительство и 3) отзывы о правительстве. Справедливо не придавая значения этим пунктам обвинения, Сперанский с горестью пишет, что «сие жестокое предубеждение о связях моих с Францией, быв поддержано эпохой моего удаления (а паче в Пермь), составляет теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего в народе обвинения». Клевета и донос — вот орудия, путем которых, по мнению самого пострадавшего, он был низвергнут и брошен императором Александром. Но «отчего, спросят, доходили от разных лиц одни вести? Оттого, что сии разные лица составляли одно тело, а душа сего тела был тот самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним». Чуть ли не это единственное место в письме Сперанского обратило на себя особенное внимание Александра I, позднее отославшего это письмо графу Аракчееву. Оправдательное письмо Сперанского превращалось под его острым пером в обвинительный акт императора Александра, который должен был теперь почувствовать правоту обвинений, а в свое время сожалеть, что нашел в Сперанском чересчур ревностного исполнителя своих пожеланий, предназначенных лишь для бойкой дворцовой беседы. Царь охотно прислушивался к тому, что было противно предначертаниям Сперанского. По словам Шильдера, царю нашептывали, что Сперанский хитро подкопался под самодержавие, и государь, в свою очередь, начал говорить, что он обязан самодержавие всецело передать своим наследникам, что учреждение министерств есть ошибка; он высказывал даже сожаление, что согласился на учреждение государственного совета и вообще стал как бы забывать, что Сперанский в своих преобразовательных проектах подчинялся самому царю.

Политическая роль Сперанского открылась «Запиской об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» в 1803 г., когда через министра внутренних дел Кочубея император Александр, немало мечтавший о приведении в порядок с формальной стороны устройства и управления империи, дал поручение Сперанскому составить соответственный проект. Проект был составлен, дошел до нас, практического значения не имел никакого и, кажется, даже не был прочитан Александром. «Записка» Сперанского интересна не тем, что она предлагает, а что она отражает. По ней легко можно судить о хаосе воззрений, которые приходилось объединить Сперанскому;

из нее видно, что тогда уже говорилось в сферах о конституции, но как будто были убеждены в том, что и без конституции можно привести в порядок империю, для чего надо сделать то-то в сфере полиции, то-то в сфере юстиции, да посравнить с иными порядками, которые зовутся конституционными. «Составив себе сей отвлеченный образец монархического управления, — пишет Сперанский, — надлежало определить, можно ли ввести его в России». «Для сего должно было исследовать: 1) настоящий образ правления в России и ее конституцию; 2) показать несходство ее с образцом правления монархическим и невозможность его ввести; 3) установить свойства, какие должно иметь управление в России, чтобы оно было сколь можно близко к монархическому и не разрушало бы, однако же, настоящего порядка». Итак, проект 1803 года открывает собою целый ряд попыток XIX века произвести реформы, не дотрагиваясь до основ управления, не взрыхляя социально-экономической почвы, без изменения которой невозможна прочная политическая реформа. Беспорядочность управления и суда в России правительство Александра I, несомненно, признавало, и признавало явственно, но как только старались приложить руку к исцелению язв, так принуждены были останавливаться перед неосуществимостью задачи. Составив себе «отвлеченный образец монархического управления», т. е. обрисовав тип конституционной монархии в трех разделах второй части «Записки» (о составе монархического правления вообще, о главных началах монархической организации и об ответственности), Сперанский обрисовывает «единое понятие, которое можно себе сделать о государственном управлении в России». Вот это единственное понятие, которое можно иметь о политической форме России начала XIX века: «Верховное начало в России есть государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства. Начало сие не имеет никаких вещественных пределов. Но оно имеет некоторые умственные границы, мнением, привычкою и долголетним употреблением постановленные в том, что власть сего начала не иначе приводится в действие, как всегда единообразным порядком и установленными формами. Сей порядок, коим власть государя изливается к народу в законодательстве и в частях управления, вмещается разными отделениями в сенате, совете и министерстве». Упомянув в другом месте «Записки» совет, сенат, комитет и министров, Сперанский говорит, что «ни одно из сих мест собственной политической силы не имеет... ни одно из них телом политическим, а тем менее законодательным признано быть не может... ни прав, ни преимуществ, свойственных государственным установлениям, в отношении к первому их началу (т. е. к единой воле

и мановению силы самодержавной), иметь они не могут» и что, наконец, «различия существенного между собой они не имеют, ибо различие сие может быть только двояко: 1) в предметах и 2) в правиле действий, но предметы во всех сих местах одинаковы... правило действия в них также одинаково... все различие состоит только в разности канцелярского обряда». Таков политический факт русской действительности в его теоретической формулировке. Политическая форма, сейчас описанная, создаст на практике чрезвычайный беспорядок и величайший произвол. Это удостоверяет сам носитель верховной власти; это подтверждает и «Записка», формулируя свою мысль в сдержанных и туманных выражениях. Сенат, совет и министерство, пишет Сперанский, «по недостатку связи их между собою, по неточному разграничению их предметов, по разнообразности и несовершенству их форм, в существенном отправлении дел великие представляют неудобства» и «неудобства сии умножаются, когда установления сии рассматриваются в отношениях их к местам губернским». Хаос управления налицо, с ним надо бороться путем реформы. Здесь начинаются неустранимые затруднения. Усовершенствование губернского управления немыслимо без усовершенствования управления государственного; начав реформу последнего, надо последовательно идти по прямой линии, идти до конца, а это значит произвести переворот, установить конституционную монархию. Поручения начертать основы конституционной монархии за Сперанским не числилось. Правительство хотело произвести реформу без коренной ломки государственного строя, и жизнь оказывалась сильнее его. Никакой реформы нельзя было начинать иначе, как с низов, т. е. с отмены крестьянского рабства, а этого сделать он не смел. Тем не менее «великий бюрократ» должен был придумать реформу: так было приказано, и развитое диалектическое искусство дало Сперанскому возможность продолжать свои соображения, простительные по форме и недостаточно «благонадежные» по существу, ибо где-то в страшном далеко они все-таки предполагают наступление царства политической свободы подобно древней еврейской надежде на появление Мессии. Сперанский писал: «...вопрос об усовершенствовании настоящего управления в России не в том состоит, каким образом можно превратить его в истинное управление монархическое, но в том, каким образом составить образ управления, который бы соединял в себе следующие свойства: 1) Он должен быть весь расположен на настоящей самодержавной конституции государства, без всякого раздела власти законодательной от власти исполнительной. 2) Он должен сохранить и усилить народное мнение, власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия. 3) Он должен сколь можно

быть приближен к образцу монархического управления, выше изложенного. 4) Он должен содержать в себе разные установления, которые бы, постепенно раскрываясь, приготавливали истинное монархическое управление и приспособляли бы к нему дух народный». Можно вовсе обойти рассуждения Сперанского о наилучшем образовании государственного управления при господстве самодержавного принципа. Необходимым представляется отметить, что это образование управления, по словам Сперанского, временное и преходящее, это — пригособительная школа для поступления в высшие классы политической зрелости. Роль этой школы заключается в постепенном приуготовлении духа народного к восприятию идей конституционной монархии. По этой извилистой тропинке постепенности Сперанский, направляемый министром внутренних дел, полагал правильным пустить страну, издыхавшую от зол помещичьих порядков, достаточно отставших от нормальных запросов народного хозяйства момента. Здесь еще таилась присущая либерализму эпохи какая-то наивная вера в идеи, кои движут народами, в какой-то народный дух, понимание которого давно стало политической привилегией помещиков и чиновников, наконец, в высшую роль логических построений на бумаге и стройных юридических установлений в законе. Таким-то образом устройство государственного управления, которое предлагает автор «Записки», представляется «правильным и основанным на твердых началах». Не без некоторой торжественности Сперанский излагает поэтому такие положения. Порядок государственного управления, предлагаемый в «Записке», основан «на неделимости власти самодержавной, — ни сенат законодательный, ни сенат исполнительный не могут сделать никакого движения без воли государя; в существе своем они суть непосредственное только его орудие и собственной силы не имеют». «Между тем, — продолжает Сперанский, — наружной важностью своею и составом они утверждают народное мнение, возводят его ближе к идеям монархическим и ставят Россию на одной чреде с прочими государствами европейскими, не отнимая ничего от силы ее необходимого самодержавия. Государь благонамеренный не найдет, конечно, в сих установлениях никаких препятствий к совершению своих предположений; но самодержец, который бы захотел употребить во зло неограниченную волю, встретил бы твердую преграду своим насилиям если не в самых сих установлениях, то в мнении, в уверенности, в привычках народных, особливо когда привычки сии долголетним продолжением доброго царства в сердцах укрепятся. Сие укрепление всегда было признаваемо важнейшим оплотом политической свободы и, может быть, лучшей гарантией закона. Сей образ управления (т. е. изложенный в «Записке») столько сближен

с монархическим, сколько конституция (т. е. самодержавная) России может сие позволить, не вводя великих переломов. Но то, что довершает убеждение в его пользу, состоит в удобности, какую сей образ управления имеет, чтобы со временем превратиться в совершенную монархическую систему. В самом деле, приучая народ взирать па законодательную власть в некотором наружном отделении, он воспитывает, так сказать, дух его к другому порядку. Когда приспееет время, т. е. когда разлитием просвещения и сопряжением многих обстоятельств, от времени зависящих, созреет возможность лучшего управления, тогда без всякой почти перемены и в те же, так сказать, рамы вместится другое устройство, не на видимом порядке, но на внутреннем и вещественном основанное. Тогда надобно только будет сенат законодательный составить по другой лучшей системе, переименовать сенат судебный высшим судом и, основав его подобно прочим частям управления на единстве, ввести с ними в параллельное положение; тогда все превратится в истинную монархическую систему». Так удивительно просто и легко гениальное бюрократическое перо начала XIX века разрешало на бумаге вопрос, который практически не разрешен в России еще и во втором десятилетии XX века.

Приведенный ряд выдержек из «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», изготовленной Сперанским в 1803 г., целиком исчерпывает и ее принципиальную сторону, и сущность ее либеральных построений. Она ценна как показатель того, до каких высот поднималась тогда либеральная бюрократическая мысль с ее классическим пренебрежением к самодеятельности народных масс, с ее верой в хорошие законы и учреждения, с ее признанием возможности политической реформы при условии черепашьей постепенности и незаметности ее наступления. «Записка» 1803 г. несколько незаслуженно игнорируется в литературе, о ней обыкновенно говорят вскользь и спешат перейти к плану 1809 г. А между тем этот последний в своих основах становится понятным лишь после детального изучения «Записки». Само собою разумеется, что говорить здесь о революции политических взглядов Сперанского не приходится; это вопрос во всяком случае праздный. И в 1803 и в 1809 г. Сперанский пишет не по собственной инициативе, а по поручению правительства; в 1803 г. он был еще подчиненным Кочубея, а в 1809 г. — Александра I и первым после Александра человеком в государстве. Записка 1803 г. передает достаточно искренние намерения правительства, а план 1809 г. являлся довольно лицемерной игрой. «План всеобщего государственного образования» был заранее обречен на крах: он появился ранее практической возможности в России конституционного строя, не мог быть ни оценен

современниками, ни выполним по своей бюрократической сложности и вследствие неподготовленности социального организма; наконец, не мог он увлечь и императора Александра. Государственная дума проекта Сперанского при иных условиях и в иных формах нашла себе место в цикле русских государственных учреждений лишь сто лет спустя после первого своего формального выражения в проекте, вышедшем непосредственно из правительственных недр. План 1809 года написан более резко и смело, чем записка 1803 г.; видно, что автор его чувствовал под своими ногами крепкую почву, а потому и осмелился писать вещи, которые могли причинить и в конце, а не только что в начале XIX века, весьма крупные неприятности. Пермское письмо Сперанского² очень выразительно вскрывает именно эту сторону Плана и категорически подтверждает абсолютную «неблагонадежность» последнего, возлагая вину за это исключительно на волю и повеления императора Александра. Нет возможности пересказать содержание Плана 1809 г. так, чтобы оно было вполне ясно для лиц, не читавших его подлинного текста. <...>

Записка 1803 г. выражала глубокое убеждение в том, что Россия непременно придет к конституционно-монархическому строю, но что в настоящее время, т. е. в 1803 г., нет наличности реальных условий для политической реформы, а стало быть, и без таковой возможно упорядочить управление и суд. Иначе смотрит на дело План 1809 г., оперируя теми же логическими и отвлеченными приемами. Автор исходит из понятия о благоустроенном государстве вообще: «...во всяком благоустроенном государстве должны быть начала законодательства положительные, постоянные, неподвижные, с коими бы все другие законы могли быть соображаемы. Сии положительные начала суть коренные государственные законы. Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе, ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы в отношении к общежитию. Соединенное действие сих сил составляет державную власть». Россия не есть государство благоустроенное; это — деспотия, в которой все подданные представляются рабами государя, а часть населения (крестьяне), и притом очень значительная, не имеет свободы располагать своей личностью, не имеет собственности, составляя рабов помещиков-дворян. Россия как государство представляет собою аномалию. «Если бы права державной власти были неограниченны, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве, и правление было бы деспотическое. Рабство сие может быть двояко: политическое вместе и гражданское,

или одно только политическое. Первого рода рабство бывает, когда подданные не только не имеют никакого участия в силах государственных, но и, сверх того, не имеют и свободы располагать лицом их и собственностью в связи их с другими. Рабство второго рода бывает, когда подданные, не участвуя в силах государственных, имеют свободу в лице их собственности». Итак, деспотизм — аномалия, права державной власти не должны быть неограниченными. Россия в своем развитии вышла уже из пределов, в которых безнаказанно для порядка деспотизм может существовать. Время постепенно сделало свое дело. «Время, — пишет Сперанский, — есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени несообразное, против всемогущего его действия устоять не может. Посему первый и главный вопрос, который в преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинаний». В 1803 г. полагали, что политическая реформа была бы неблагоприятной; в 1809 г. утверждали, что такое время настало. В 1803 г. приводились свои мотивы в пользу несвоевременности; в 1809 г. подобраны были мотивы в пользу благовременности политической реформы, которая должна направиться в сторону конституционной монархии. Ныне, т. е. в 1809 году, Россия «имеет прямое направление к свободе», ряд признаков дает несомненное к тому показание. Сперанский, во-первых, усматривает перемену в предметах народного уважения. Правительство действовало когда-то на народное воображение при посредстве чинов и почестей. «Доколе сила воображения поддерживает их в надлежащей высоте, дотоле они сопровождаются уважением. Но как скоро по стечению обстоятельств сила сия их оставит, так скоро и уважение исчезает. Чины и почести в сем положении могут быть еще лестны, но в одном только том отношении, что они служат знаками доверия или милости; внутренняя же их очаровательная сила, впечатление на народ мало-помалу изглаживается и пропадает», ибо «когда разум начинает распознавать цену свободы, он отмечает с небрежением все детские, так сказать, игрушки, коими клялся он в своем младенчестве». Второй признак Сперанский усматривает в ослаблении власти. «Если физическая власть, — по его словам, — осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела... С горестью, но с достоверностью можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия... Образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления». Указания Сперанского на другие два признака еще характернее; он прибегает здесь к приему, который очень эффектно использован в за-

писке 1803 г., но для доказательства противоположного. Никакие частные исправления в старой системе теперь не признаются уже возможными. Так дальше жить нельзя, хочет сказать Сперанский: «Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего? Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности. Но где начало, их животворящее? К чему послужит народу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горесть своего положения».

Что русская жизнь представляла собой тогда сплошную жалобу на все и на всех, в этом Сперанский, конечно, прав, но выводы, которые он отсюда делает, никуда не годятся. Всего яснее эта отвлеченность суждения и это классическое непонимание роли социально-экономической стороны сказываются при формулировке четвертого признака своевременности политической реформы, — реформы в том смысле, чтобы «правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе». О какой конституционной монархии может идти речь, можно было бы спросить автора Плана, раз не поставлен ребром вопрос о немедленном крестьянском освобождении? Автор не замечал этих тисков дворянства и бюрократии, в которых была сжата верховная власть.

Почему Сперанский так яростно расписался в Плане на тему о своевременности для России политического освобождения и почти вовсе замолчал о необходимости уничтожить ныне же крестьянское рабовладение? Первое было приказано написать, о втором сам самодержец должен был молчать, и есть основание предположить, что Сперанский сознавал нелепость проектировать конституцию без крестьянского освобождения, а, стало быть, лично он был ближе к формулировке 1803 года, вращаясь в заколдованном кругу: без крестьянской свободы не может быть конституции, без конституции не может быть упорядочения правления, и он проектировал реформу правления без конституции и конституцию без крестьянского освобождения. План 1809 г. должен был отразить дворянско-помещичью Россию; поместное дворянство, достаточно обюрокраченное, безраздельно царит в Плане, который другие классы только терпит как неизбежное зло. Социальный элемент Плана 1809 г., представляя большой исторический интерес, превосходно отражает как пустоту

тогдашнего политического либерализма, так и явственный деспотизм правящего класса. Как смотрит План на дворянство, видно из одного очень ценного замечания Сперанского, что «каждый дворянин, в существе своего состояния, представляет потомство тех родов, кои некогда обладали частью народа самодержавно и зависели от великих князей более словом, нежели делом». Сперанский, конечно, прав, когда говорит о феодализме Московской Руси, но понимание этого термина ему слабо дается, он забывает старое верстанье в дворяне из холопов и мужиков, он забывает возведение в потомственное дворянство любого подьячего или, как говорили когда-то, представителя крапивного семени, согласно петровской Табели о рангах. Происхождение дворянства он представляет себе неправильно, так же как и происхождение крестьянской крепости: для него это все разные оттенки юридической терминологии, не больше. «Крепостные люди, — читаем в Плане 1809 г., — вначале имели некоторую степень гражданских прав. Они могли иметь собственность и право перехода с одних земель на другие. Но впоследствии, по мере того как от удельных владельцев права политические переходили и присоединялись ко власти державной, права гражданские сего последнего класса, как бы в вознаграждение первых, переходили к их помещикам и, наконец, разными обстоятельствами, особенно же системой составления военных наших сил, быв укреплены к земле, потеряли как личную, так и вещественную свободу». Что касается общественного класса купцов, мещан и проч., то, говорит Сперанский, он «основался переходом и постепенным освобождением из третьего». Едва ли следует говорить о фантастичности социальных построений Сперанского, это понятно само собой, но их необходимо подчеркнуть, так как его справки в области русской социальной истории всегда идут в дело при обрисовке проекта государственного преобразования. Рабы всегда и везде существовали и, по мнению Сперанского, в «самых республиках число их почти равнялось числу граждан, а участь их там была еще горше, нежели в монархиях». Итак, отчего же и не быть рабам в проектируемой конституционной монархии на восточно-европейской равнине? Возможность этого рабства тем более ясна Сперанскому, что он и не предполагает, и даже не понимает равенства состояний, демократического равенства всех граждан; напротив, в его Плане 1809 г. намечен строго сословный строй с коренным различием людей в их правах и обязанностях. Рабство можно и должно потерпеть, хотя, снисходительно замечает План, не надо думать, чтобы «рабство гражданское было необходимо» и «чтобы в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры, но чтобы меры сии были дей-

ствительны, они должны быть постепенны». В Плате 1809 г. по вопросу о реформе социально-экономической видим ту же проповедь постепенности, какую видели по вопросу о реформе политической в записке 1803 г. Исторически вполне понятно, что легче установить призрак политической свободы, чем пробить брешь в стене социально-экономического рабства. План 1809 г., напротив, старательно занят тем, чтобы всячески оградить твердыню социально-экономического рабства от покушений бедняка. Это значило, что План выработал разнообразные конституционные детали в системе представительства и выборов, охраняя земельных собственников и поддерживая командующее значение этого класса. У Сперанского выходит все это и красиво, и либерально. Он начинает с довольно спорных истин: «Закон составляется в защиту лица и собственности... самое приобретение собственности в обыкновенном порядке предполагает разум и трудолюбие... в общем исчислении человек, имеющий собственность, по уважению собственных своих польз, более приемлет участия в доброте закона и более соединяет вероятностей к правильному его усмотрению, нежели человек без собственности или бобыль». На этих спорных, но ходячих истинах построен вывод, что только собственники должны быть допущены к участию в правах политических. Беднота, в которой предполагается отсутствие разума и трудолюбия, не может иметь политических прав. План 1809 г. идет и дальше, он говорит: «Сверх сего, есть в обществе положения, кои по образу жизни и воспитания не заставляют предполагать ни довольно разума, ни столько любочестия, чтобы допустить людей, их занимающих, к участию в составлении закона. Таковы суть состояния домашних слуг, ремесленных и рабочих людей и поденщиков, хотя бы они и имели собственность, в капиталах состоящую». Тенденция понятна — первая роль в государстве должна принадлежать помещиному дворянству: ведь у него только и могут быть и разум, и трудолюбие, и любочестие. По проекту Сперанского дворянство превращается в своего рода касту. Потомственному дворянину становится легче превратиться в личного дворянина, чем личному стать потомственным; личное дворянство не превращается в потомственное одним совершением службы; такое превращение может состояться лишь по особому пожалованию императора при условии особенных заслуг. Стоит какому-нибудь захудалому потомственному дворянину поступить в лакеи или дворецкие графа М. М. Сперанского, и он тем самым теряет принадлежность к дворянству вообще, ибо одна из статей Плана прямо говорит, что «вообще дворянство теряется вступлением в класс людей рабочих». Любопытно, что План 1809 г. давал помещиному

дворянству все то, чего оно страстно домогалось еще в половине XVIII в. План, подтверждая в пользу дворянства «особенное право приобретать недвижимые имения населенные», говорил, что «все свободные промыслы, дозволенные законом, открыты дворянству; оно может вступать в купечество и другие звания, не теряя своего состояния» (кроме упомянутого выше случая вступления в класс людей рабочих). Статья петровской Табели о рангах, предоставлявшая права потомственного дворянства за выслугу, косвенно отменялась, взамен чего на дворянство возлагалась обязанность «непрерывно отправлять службу в гражданском или воинском звании не менее десяти лет по своему выбору, но без перехода, исключая случаев, особенным законом определенных». В связи с указанной обязанностью в проект были введены особые статьи, которыми определялось, что «дети дворянина потомственного до совершения положенных лет службы суть дворяне личные» и что «дети личных дворян суть люди среднего состояния». Указанная черта проекта Сперанского обращает на себя, несомненно, значительное внимание, и она не могла не вызвать дворянской оппозиции, ибо дворянство очень дорожило своею так называемой «вольностью», т. е. правом не служить и жить исключительно даровым трудом своих рабов. За этот принцип временно обязательной дворянской службы император Александр держался очень цепко, но провести его в действительную жизнь не смог. Включая в состав среднего состояния купцов, мещан, однодворцев и всех поселян, имеющих недвижимую собственность в известном количестве, План не предоставлял купцам права владеть населенными имениями, — права, которого купцы очень домогались в 1767–8 годах. Что касается «народа рабочего», то <...> Проект предоставляет народу рабочему скромно желать политических прав и «надеяться от труда и промышленности». Рабочих в собственном смысле План 1809 г. не упоминает, их приходится косвенно включить в упомянутое третье состояние, — и весь либерализм Плана сводится к тому, что народу рабочему разрешается вообще только желать про себя, скромно ждать и надеяться. При этом Сперанский спешит освятить свои предложения авторитетом Запада: никто же в самом деле и на Западе не признавал, чтобы у рабочих были разум и трудолюбие! Любопытно, что о духовенстве как особом состоянии нет никакого упоминания в проекте Сперанского. План 1809 г. возвел прежде всего твердую и прочную стену государственного устройства из дворянства и бюрократии, бросив небольшую кость крупному капиталисту и оградившись от напора бедноты, рабов и рабочих лишением их всяких политических прав. Оставалось увенчать здание постоянством «органических коренных законов»,

которыми были бы определены четыре установления: совет, законодательное сословие, сенат и министерства с верховной властью императора во главе. Автор Плана 1809 г. признает, что «установления законодательные по существу своему требуют содействия многих лиц в суждении и единства в утверждении» и что введение нового политического порядка требует и нового разделения империи, сообразуясь с расположением государственных сил. Предполагалось разделить империю на губернии и пять областей, которые как отдельные части по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления. Вот эти пять областей с особенным устройством: 1) Сибирь, 2) Астрахань и Кавказ с Грузией, 3) Оренбургский край, 4) Область войска Донского и 5) Новороссия. Вся остальная часть империи делится на губернии, каждая губерния — на округа, а округ — на волости. В непосредственной связи с этим делением и находится организация знаменитой государственной думы Плана Сперанского, долго стоявшей вне круга предметов, доступных для изучения ученому русскому историку. Обращаясь к государственной думе Сперанского, необходимо прежде всего припомнить основные принципы, какими он руководился в своем проекте, а именно: «Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное. Сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству. — Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, но и должно поставить ее в ответственности власти законодательной». Эти принципы, при неуклонном их применении, могли бы создать определенные конституционные формы. План 1809 г. предполагает, что государственная дума собирается «по коренному закону и без всякого созыва ежегодно в сентябре месяце» и обсуждает дела по предложению «от имени державной власти одним из министров или членов государственного совета», причем из сего исключаются: 1) представления о государственных нуждах, 2) представления об уклонениях от ответственности и 3) представления о мерах, нарушающих государственные коренные законы. Что касается так называемого роспуска государственной думы, то он производится актом державной власти в государственном совете. Этот акт мог или отсрочить заседания думы до следующего сентября, или уволить всех членов

думы; в последнем случае тот же акт должен был означить новых членов, назначенных последними выборами губернских дум. Не входя в излишние подробности, остается показать, как выбирались депутаты в Государственную думу. Процесс этих выборов является до чрезвычайности сложным и составляет весьма слабое место в Плане 1809 г. <...> Любопытно, что план называет членов думы не гражданами, а обывателями. Каждая из предшествующих дум последовательно представляет о местных общественных нуждах. Председатель губернской думы представляет на имя канцлера государственной думы, т. е. председателя государственной думы, списки членов, избранных в законодательное сословие, и отличнейших губернии обывателей вместе с представлением об общественных нуждах губернии.

Изложенный выше План 1809 г. никогда не был осуществлен в действительности, да и не мог бы быть осуществленным без коренной переработки, так как на многие необходимые вопросы он не давал никакого ответа. В его основаниях покоится, конечно, немало заимствований из западно-европейского конституционного и литературного материала. Кроме того, в составлении Плана в смысле предварительной подготовки данных принимал участие чиновник М. А. Балугьянский³, та или другая значительность роли которого покуда недостаточно выяснена в литературе. План 1809 г. в связи с целым рядом тогдашних условий подготовил падение Сперанского 17 марта 1812 г., когда он внезапно, после продолжительной беседы с императором Александром, был отправлен в ссылку и 23 сентября того же года прибыл в Пермь в сопровождении частного пристава. Если План 1809 г., с одной стороны, являлся превосходной уликой в политической неблагонадежности Сперанского, то, с другой, он готовил ему положительную ненависть дворянства и духовенства. Последнее осталось вне политических прав, ибо План умолчал о самом его существовании. Первое, подобно Александру, могло бы сказать, что он хитро подкопался под самое его существование. Помимо обещания в отдаленном будущем отнять у него даровой труд рабов План 1809 г. всех дворянских сыновей превращал в личных дворян, раз они не прошли устанавливаемой теперь десятилетней службы вопреки жалованной грамоте 1785 г., а дети этих последних становились уже людьми среднего состояния. Это было логическим развитием мысли Александра I, но дворянство не простило бы Сперанскому подобного новшества. Высоко ценя общественное мнение на бумаге, Сперанский, как «великий бюрократ», мало стеснялся с ним на практике, как не стеснялся порою зло посмеиваться над самим императором Александром I. Ко времени Сперанского относятся два либеральных

указа, которые сделали его предметом жгучей общественной ненависти, именно указы от 3 апреля и 6 августа 1809 года: первый вызвал негодование против Сперанского в аристократических кругах, второй — вообще в чиновничестве. И указ о придворных званиях, и указ об экзаменах чиновников, жаждущих чинопроизводства, не могли улучшить положения страны, впавшей в особый род самодержавной анархии. Сперанский был наказан все-таки прежде всего как автор хартии, изображенной им в «Плане» 1809 г.: «1) Без суда никто не может быть наказан. 2) Никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого. 3) Всякий может располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; без суда никто собственности лишен быть не может. 4) Никто не обязан отправлять вещественной службы иначе, как по закону или по условию, а не по произволу другого». В 1810 и 1811 гг. падение Сперанского уже носилось в воздухе. В июле и августе 1811 г. в Государственном Совете рассматривался проект Правительствующего и Судебного Сената, составленный Сперанским. В этом проекте современников должны были поражать два пункта: 1) что решения Сената — окончательные и что никакие жалобы на решения общего собрания Сената не должны быть допускаемы; 2) что часть членов Сената должна быть выборной. В Государственном Совете оба пункта были поняты как косвенное нападение на незыблемость самодержавия и вызвали против себя решительное возражение. Граф Кочубей, напротив, находил недостаточным либерализм автора проекта и сомневался в возможности по тогдашним «жестоким» правам министрам и членам Государственного Совета быть сенаторами по своему званию. Часто видел, говорит Кочубей, большую храбрость, когда не было министра, по части коего дело производилось, но лишь только являлся он, то следовало молчание или самое «подлое» снисхождение. Пункт об определении в Сенат по выборам собрал в Совете 15 голосов за и семь против; запрещение жалоб на решения Сената собрало 9 голосов за и 13 голосов против; царь утвердил мнение меньшинства, но закон о Сенате по проекту Сперанского никогда им не был издан, и в Совете яростными возражателями и защитниками незыблемости самодержавия были люди очень близкие к царю: граф Н. И. Салтыков и князь А. Н. Голицын. Их возражения не могли быть сильными по существу, но их упорство и наивная нагота могли только льстить несомненному властолюбию Александра. Хотя проект и прошел таким образом в Государственном Совете, оставалось только распубликовать его, как закон, хотя Александр два раза внимал мнению меньшинства, тем не менее политическая репутация Сперанского в августе 1811 г. уже была подорванной: элементарный

конституционалист мог казаться тем опаснее, что он находил пути подходить к конституции незаметными и скрытыми шагами. В этом Александр мог видеть только личную обиду, глухое нападение на самого себя, словом, то, чего он никогда бы не мог простить. Понятие о конституции было для него кабинетной игрушкой, красивым словом для пышной многообещающей речи, отнюдь не понятием глубоко продуманным и подлежащим осуществлению.

<...> Непрочность Сперанского, как лица, изображавшего в своих записках и планах словесные предначертания тогдашнего правительства, является не только результатом печальных свойств личности императора Александра, но прежде всего неустойчивости настроений правительства, его неподготовленности к реформам и полного отсутствия социальной среды, которая могла бы вынести на своих плечах политическую реформу. Быть может, еще более характерным фактом в этом отношении представляется то правительственное раздвоение, которое наблюдается в начале царствования императора Александра и к которому Сперанский имел косвенное отношение. Это — появление так называемого Комитета общественного спасения или Негласного комитета. Первое заседание этого комитета состоялось 24 июня 1801 г., последнее 9 ноября 1803 г., причем с 12 мая 1802 г. по 26 октября 1803 г. Комитет не собирался вовсе, а всего заседаний Комитета было сорок. «Негласный комитет» — создание графа П. А. Строганова; кроме последнего и самого императора в его состав входили гр. В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов и князь А. А. Чарторыйский. Сперанскому приходилось иметь дело с некоторыми документами, исходившими из Негласного комитета, а Лагарпу — давать некоторые советы императору Александру. Строганов полагал, что «необходимо составить план реформ и уяснить себе цель их, чтобы труды наши не зависели ни от чьего произвола, точно установив, чего мы желаем добиться от императора, необходимо определить его характер, чтобы сообразно этому составить наш план атаки, если я смею так выразиться». Неправильно оценивая личность императора Александра, Строганов полагал, что группе благонамеренных и благожелательных реформам лиц возможно захватить волю правительства и повести Россию по пути реформ благодетельных, осторожных и постепенных. «Император, — писал гр. Строганов, — вступил на престол с наилучшими намерениями возможно больших усовершенствований. Этому препятствуют только его неопытность и его характер, мягкий и ленивый. Для достижения доброй цели необходимо, следовательно, преодолеть эти три препятствия. Так как у него мягкий характер, то его должно поработить, чтобы иметь необходимое на него влияние. Вследствие чистоты его принципов, наиболее верный

способ порабощения его заключается в приведении всего к чистым принципам, в справедливости которых он не мог бы сомневаться. Эта мягкость его характера существенно обязывает не терять время, чтобы другие не предупредили нас, о чем они, несомненно, должны стараться и чем значительно затруднят наш труд. По лености своего характера, он естественно должен предпочитать тех, которые легко схватывают его мысль, способны выразить ее так, как он сам того желал бы и, избавляя его этим от труда отыскивать желательное им выражение, способны ясно и даже, если возможно, изящно изложить его мысль. Это условие избавления его от труда существенно необходимо. Так как неопытность заставляет его быть недоверчивым к самому себе, то чтобы укрепить его и указать, с чего начать, необходимо предоставить ему возможность обозреть одним взглядом все отрасли управления, для чего потребно представить ему краткую картину положения империи в тот момент, когда он принял бразды правления». Без этого письма графа Строганова не понять условий возникновения Негласного комитета, вместе с тем оно ценно для характеристики тогдашних воззрений на Александра как главу правительства и представлений о приемах, путем которых, казалось, возможно было данной группе овладеть внутренней политикой. Строганов, сравнительно, был и наиболее либеральным, и наиболее убежденным из всех членов Негласного комитета. В период, когда еще были надежды на реформу, Строганову пришлось высказаться и по вопросу о конституции, и по вопросу крестьянскому. <...> «Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять эти свои права. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонняя власть не воспрепятствует пользованию этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздерживало бы правительство от мер, противных интересам народа, там нет и конституции». В первом заседании Негласного комитета 24 июня 1801 г., деятельность которого должна была оставаться безусловно неизвестной современному обществу, была формулирована задача его работ; в конечном счете эти работы должны были увенчать российскую империю конституцией, основанной на «истинно русском духе». В указанный день лица, облеченные доверием императора, начали совещания *pour coopérer en quelque sorte à un travail regulier de la réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'empire* (чтобы каким-то образом объединиться для регулярной работы над реформой несовершенного здания управления империей). Новосильцов, читаем далее в строгановских протоколах, предложил точно определенный порядок занятий. Прежде всего надлежало узнать действительное положение вещей в стране, потом

произвести реформу различных частей управления и увенчать эти разнообразные учреждения конституцией, основанной на истинном духе нации. Итак, прежде всего надо представить картину действительного положения страны. Надо начать с характеристики положения империи в отношении внешней обороны на море и на суше (*nos moyens de défense contre nos voisins* — наших средств защиты против наших соседей), затем перейти к уяснению природы отношений империи к иностранным державам и системы, которой в этих отношениях следовали, и уже потом, после изучения внешнего положения России, перейти к ее внутреннему состоянию, которое можно было бы представить с двух сторон — статистики и управления. В первом случае естественно пришлось бы дать картину состояния в России торговли, путей сообщения, земледелия и промышленности, во втором — собственно управления, юстиции, финансов и законодательства. Стройная по внешности программа Новосильцова хорошила Негласный комитет скорее, нежели он мог бы умереть естественной смертью. Обзор протоколов комитета показывает, что, с одной стороны, не существовало резкой принципиальной разницы между группой сенаторов, прозванных консерваторами, и членами Негласного комитета, прослывшими почему-то либералами, и что, с другой стороны, между комитетом и императором отнюдь не было надлежащей солидарности. И консервативные сенаторы, и либеральные советчики комитета равно казались неприятными Александру, когда они в той или другой форме пытались, как казалось императору, умалить его прерогативы самодержца. Поговорив о конституции, о правах русского народа, о гарантиях политической свободы, Негласный комитет примирялся с мыслью о таких преобразованиях, которые совмещали бы в себе незыблемость самодержавного строя с установлением в стране начал политической свободы. И Сенат, и комитет стояли за преобразования, но за преобразования не по существу, а в смысле той или другой формы усовершенствования техники государственных учреждений. Первый выдвигал историческую роль Сената, второй проектировал ряд учреждений. Комитет обсуждал и реформу Сената, и учреждение министерств, заговаривал о государственном совете и кабинете министров, обсуждал грамоту вольности российскому народу и очень заинтересовался тайной полицией. Действительная политическая роль Негласного комитета едва ли не равняется нулю; император выслушивал прения, вмешивался в споры и всегда стоял на своем настолько, что уходившие из негласного собрания члены, так называемые друзья императора, не могли себе ясно представить ни мнения последнего, ни того, что он может предпринять. Классовая подоплека Негласного комитета претила

иногда самому самодержцу в вопросе о положении дворянского класса, и, может быть, всего характернее открывается надлежащая физиономия комитета в прениях по крестьянскому вопросу. Царствование императора Александра в целом очень небогато мероприятиями в деле устройства крестьянского населения. Правительство вовсе не было заинтересовано в том, чтобы поддержать на практике распоряжение Павла о трехдневной работе⁴ на помещика и о воскресном отдыхе рабов; дворяне не имели никаких побуждений соблюдать ненавистный им закон; в царствование Александра, особенно в первое время, ничто павловское вообще не могло встретить поддержки, и русская действительность в силу железных экономических условий развивалась в сторону крайней эксплуатации дарового крестьянского труда. В академической газете перестали, как указано выше, принимать объявления о продаже крестьян без земли; во время коронации императора Александра I не было пожаловано ни одной крестьянской души; наконец, был издан напрасно нашумевший и празднично рассердивший дворян именной указ 20 февраля 1803 года «об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных». Представляется ценным отметить, что и в этом указе, имевшем до чрезвычайности ничтожные практические последствия, виновато не правительство, а граф Сергей Румянцев, изъявивший «желание некоторым из крепостных его крестьян при увольнении их утвердить в собственность продажей или на других добровольных условиях участки из принадлежащих ему земель». Румянцев просил царя, чтобы такие «условия, добровольно заключаемые, имели то же законное действие и силу, какое прочим крепостным обязательствам присвоено», и чтобы «крестьяне таким образом уволенные могли оставаться в состоянии свободных земледельцев, не обязываясь входить в другой род жизни». На основании этой просьбы графа Румянцева и появился указ о свободных земледельцах или свободных хлебопашцах. Исторический интерес указа заключается не в том, что было позволено на тех или других условиях отпускать крестьян на волю или даже отпускать на волю с землей, а в том, что указом предreshалось образование свободного сельского состояния с правом владеть землей на основах полной собственности. Надо заметить, что по существу указ 20 февраля 1803 г. поддерживал ту правительственную тенденцию, которая сказалась еще в именном указе 12 декабря 1801 г., по которому предоставлено было «не только купечеству, мещанству и всем городским правом пользующимся, но и казенным поселянам, к какому бы они ведомству ни принадлежали, равномерно и отпущенным на волю от помещиков приобретать покупкою земли от всех тех, кои имеют по законам право

на продажу». Этот вопрос о праве приобретения земель не дворянами был предметом обсуждения в Негласном комитете; его настроение легло в основу указа 12 декабря 1801 г. и отразилось позднее в указе о вольных хлебопашцах. Указ о вольных хлебопашцах устанавливает отпуск крестьян на волю с землей на известных условиях между помещиками и крестьянами каждый раз с высочайшего соизволения. Сущность указа достаточно определяется двумя его статьями, а именно: «4) Крестьяне и селения, от помещиков по таковым условиям с землею отпускаемые, если не пожелают выйти в другие состояния, могут оставаться на собственных их землях земледельцами и сами по себе составляют особенное состояние свободных хлебопашцев. 5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселе отпускаемы были лично на волю с обязательством избрать род жизни, могут в положенный законами срок вступать в сие состояние свободных земледельцев, если приобретут себе в собственность. Сие распространяется и на тех из них, кои находятся уже в других состояниях и перейти в земледельческое пожелают, приемля на себя и все обязанности оногo». Вот и все законодательство о крестьянах времени императора Александра, который, не жалуя населенных земель вновь, вопреки мнению Негласного комитета склонялся в сторону мнения разрешить не дворянам приобретение населенных земель, что отчасти и проскользнуло в указе 18 октября 1804 года, разрешавшем купцам, получившим классные чины до VIII включительно, владеть крестьянскими душами. Просьба графа Румянцева вызвала негодование против него помещичьего класса; указ 18 октября 1804 г. не был благоприятен для популярности Александра I среди последнего. Негласный комитет имел целью поработить волю Александра, но жестоко в том ошибся. При петербургском дворе Александра не мог обосноваться Каразин, очень быстро должен был рассыпаться кружок друзей Негласного комитета, попал в ссылку Сперанский и неизменно сохранялся один только Аракчеев, взявшийся так или иначе взрастить александровскую мечту о военных поселениях. Безуспешно пытался сыграть влиятельную роль при дворе Александра и Н. М. Карамзин.

15 марта 1811 года император Александр посетил в Твери свою сестру Екатерину Павловну; она вручила ему с надписью «Моему единственному брату» записку Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Записка Карамзина ценна как удивительно стройный взгляд на историю России в целом и как блистательный классовый памфлет; ее публицистический элемент в высокой степени прямолинеен и выразителен; не будь в ней узко классовой критики царствования Александра I, последний был бы от нее совсем в восторге. Самодержавие есть пал-

ладиум России, восклицал Карамзин, Россия не может существовать без самодержавия; колебался в России самодержавный строй, и она начинала гибнуть, как, например, во время Смуты... «Но бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов: те и другие единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержавцем, монархом неограниченным... Князья московские учредили самодержавие, отечество даровало оное Романовым». Автор ненавидит аристокрацию, против ее политической роли, ибо «самодержавие основало и воскресило Россию; с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные и гражданские пользы». В эту именно записку, а не за «Историю Государства Российского» автор получил, по свидетельству графа Д. Н. Блудова⁵, в марте 1816 г. анненскую ленту, но, несмотря на эту записку, он был принят императором Александром 15 марта 1816 года, только прогулявшись «по тернистому пути» апартаментов графа Аракчеева, к заступничеству которого должен был прибегнуть и Сперанский. В январе 1818 г. Карамзин подносит Александру первые восемь томов своей истории в отпечатанном виде, сообщая И. И. Дмитриеву⁶, что «был у него (т. е. императора) в кабинете, имел счастье обедать». 15 марта 1818 г. последовало торжественное открытие первого польского сейма. Александр, развертывая перед поляками *charte constitutionnelle* (конституционную хартию), произнес речь, многих смутившую в России: трудно быть в одно и то же время самодержцем в России и конституционным монархом в Польше. «Варшавские новости, — писал 8 и 23 апреля Карамзин Дмитриеву, — сильно действуют на умы молодые... Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах; спят и видят конституцию; судят, рядят; начинают и писать... Но будет чему быть». В 1819 г. Александр все еще не оставлял мысли восстановить Польшу в ее прежних восточных границах и беседовал по этому вопросу с Карамзиным в Царском Селе. 17 октября 1819 года Карамзин пил у Александра в царскосельском кабинете чай и представил свои возражения по вопросу о восстановлении Польши в особой записке, известной под названием «Мнение русского гражданина». «Мы пробыли вместе, — писал Карамзин по этому поводу, — с глазу на глаз, пять часов, от восьми до часу за полночь. На другой день я у него обедал; обедал еще и в Петербурге... Но мы душою расстались, кажется, навек»... Однако в одной заметке 1825 г. Карамзин писал так: «В течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен. Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако ж слушал их, хотя им,

большую часть, и не следовал... Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой гурьевской системе финансов⁷, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные». Советов Александр вообще не слушал, ограничиваясь разве их выслушиванием, и Карамзин позднее был прав, когда, выслушав в ноябре 1824 г. намеки на то самого Александра, писал: «Россия удержала свои польские области, но более счастливые обстоятельства, нежели мои слезные убеждения спасли Александра от дела равно бедственного и несправедливого». Если никто не спрашивал советов Карамзина в вопросе польском, то его усиленно вызывали на красноречивое описание красот военных поселений. Последними принужден был увлечься даже Сперанский в особой брошюре «О военных поселениях» (СПб., 1825). Карамзин сумел миновать этот подводный камень. Говорят, что в разговоре с царем он не раз «скорбел о горькой участи, которой подвергала крестьян жестокая система управления военных поселений». Говорят, что царь старался объяснить ему, что военные поселения «были учреждены с целью избавить народ от тягости рекрутства»; говорят, что царь выражал желание, чтобы Карамзин сам побывал в поселениях, и «тогда он, конечно, убедится в своем заблуждении». Аракчеев и призван был спасти Карамзина от этого неприятного заблуждения. «Желание мое показать вашему превосходительству самому военные поселения, — писал Карамзину «истинно русский неученый дворянин», — то я и прошу вас пожаловать ко мне в Грузино в будущий четверг, то есть 16 числа июля, к обеду, откушать у меня деревенского хлеба-соли, а после обеда мы отправимся вместе с вами в военное поселение». Три дня наслаждался Карамзин военными поселениями и любезностями графа Аракчеева. Угощение последнего, по-видимому, было очень внушительным. Во-первых, сам хозяин оказался далеко не поклонником химеры военных поселений. «К удивлению моему, — рассказывал потом Карамзин, — я не мог не заметить, что граф сам в числе недовольных». А, во-вторых, его гость потерял свое даровитое перо налюбовавшись поселениями, и не написав о них ни одной прекрасной строки. Только в письме к Дмитриеву от 31 июля 1825 г. из Царского Села Карамзин писал так: «Зная милостивое расположение ко мне государя, граф Аракчеев угостил меня с ласкою необыкновенною. Поселения удивительны во многих отношениях. Там, где за восемь лет были непроходимые болота, видишь сады и города. Но русский путешественник уже стар

и ленив на описания». И гость, и хозяин не могли не остаться довольными друг другом. Хозяин не убедил гостя, и гость к высокому удовольствию хозяина не мог выиграть больше в глазах царя. Гость понял тенденцию хозяина и не сделал неугодного последнему, да к тому же выиграл нечто в глазах не всегда взирающего далеко вглубь потомства. 28 августа 1825 г. Карамзин в последний раз беседовал с Александром от 8 до 11 ¹/₂ часов вечера. «Государь, — патетически заметил Карамзин, — ваши годы сочтены. Вам нечего более откладывать, а вам остается еще столько сделать, чтобы конец вашего царствования был бы достоин его прекрасного начала». Царь, очевидно, мало слушал своего собеседника, когда «движением головы и милою улыбкой» выразил одобрение, прибавив, что «непременно все делает» и «даст коренные законы России». Не понимавший в данном случае Александра Карамзин впал в наивность и написал Дмитриеву: «Мы расстались не без чувства, привязанность моя к нему сердечная и вечная». В письмах того же времени Карамзин, которому, по его словам, царь доверил тайну своих наследственных распоряжений, писал Дмитриеву относительно поведения Аракчеева после убийства в Грузии дворовыми Н. Ф. Минкиной⁸: «Важный государственный человек, огорченный ужасным домашним происшествием, отказался от всех дел; как слышно: заменить его другим нелегко. Дельных людей на большой сцене у нас немного. Министры стары и дряхлы, кроме финансов и морского. Больше лиц, нежели голов, а душ еще менее. Впрочем, это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замечаю и не дивлюсь».

«Мнение русского гражданина» — коротенькая записочка, смесь политических грез и близорукого патриотизма с детской мотивировкой очень серьезного положения, с едва скрытой резкостью рассердившегося консерватора, за которой могли следовать кружки либеральничавшего дворянства. «Захотев быть христианами-политиками, — говорит Карамзин, — впадем в противоречия и несообразности». Царь должен быть двуликим, должен разделять в себе христианина и политика. Царь может быть добродетельным «единственно в таком случае, когда сие благодеяние не вредно для отечества», во всех других случаях он действует силою, забыв в себе христианина. Автор и грозит, и умоляет, и переходит на властный несколько тон землевладельца, которому нужен царь для охраны его классовых интересов. «Вы думаете, — писал царю историограф, — восстановить древнее королевство польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с вашими священными обязанностями, с вашею любовью к России и к самой справедливости? Во-первых, не говоря о Пруссии,

спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли вы, творец Священного союза, объявить ей войну, противную не только христианству, но и государственной справедливости, ибо вы сами признали Галицию законным владением австрийским. Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белороссию, Литву, Волынию и Подолию, утвержденную собственностью России еще до вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россиею, когда митрополит Платон⁹ вручал вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали Великою. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали заглазить ее несправедливостью разделом России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответственна Богу, ответственна истории за свое дело, но оно сделано, и для вас уже свято: для вас Польша есть законное российское владение. Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское, и так далее. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России. Если вы отдадите их, то у вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу. Наполеон мог завоевать Россию; но вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушную, бессловесную собственность? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите». Усердный историограф грозит далее, что, если царь ради «рукоплескания» поляков восстановит Польшу, русские никогда его за то не простят, лишат его своей любви, видя свое отечество «игралитцем самовластного произвола», более того «восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровию землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу». «Нет, государь, — заключает Карамзин, — никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России». Итак, пусть остается Польша, «как она есть ныне», и пусть благоденствует Россия, «как она есть», а «поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного на-

рода, для нас опаснее поляков-россиян». Едва ли Александру могли понравиться намеки Карамзина на «самовластный произвол», «самовольство» и на возможность его «беззаконных» поступков.

Изложенным исчерпывается вопрос о правительственном либерализме начала XIX в., поскольку царь Александр и его сотрудники являлись выразителями этого либерализма. Ни по своей природе, ни по существу своих воззрений царь Александр никогда не был сколько-нибудь либералом в старом смысле этого слова, но когда надо, он в совершенстве владел всей шумихой либеральных фраз в целях общественного гипноза. Будучи убежденным самодержцем, совершенно не понимая и принципиально отрицая роль конституционного монарха, он тяготился ролью дворянского царя, вследствие чего и не был сторонником исключительного развития дворянских прав, и если бы мог, резко сузил бы таковые. Мистицизм Александра I и противоречия всех его воззрений после 1812–1815 гг. могут быть понятны только на этой почве его преклонения пред идеей величия самодержавия, для которого только и должны дышать не только страна и народ, но и вообще все страны и все народы.

